

Алексей Осипов

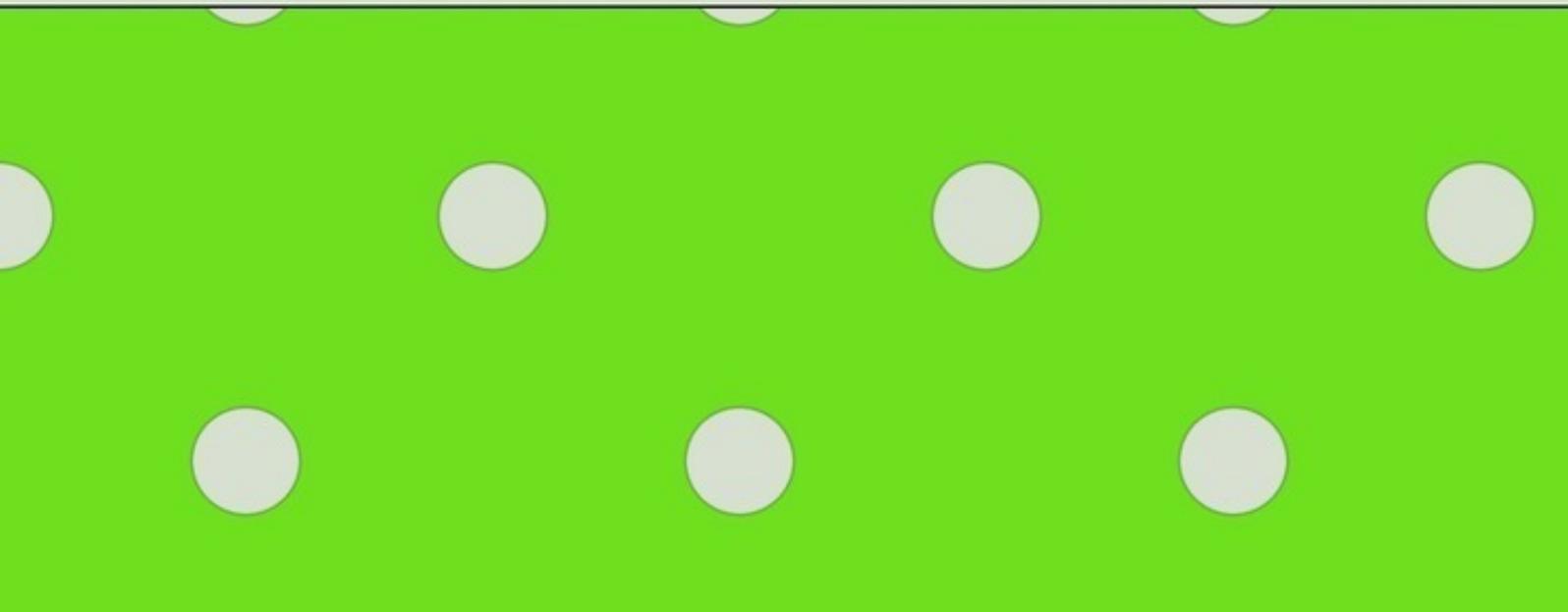
---

*Побег
назначен на
первое
марта*

Тюремный роман из осколков жизни...

Алексей Осипов

**Побег назначен на первое
марта. Тюремный роман
из осколков жизни...**

«Издательские решения»

Осипов А.

Побег назначен на первое марта. Тюремный роман из осколков жизни... / А. Осипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904448-8

Тюремный роман из осколков жизни... Главный герой — все тот же неугомонный Валерка. Готовит свой первый побег. Первая часть книги «Тюремные истории, смешные и грустные».

ISBN 978-5-44-904448-8

© Осипов А.
© Издательские решения

Содержание

Субстрат жизни	6
Фагот	7
Снежок вам в трусы	10
Е – два, е – четыре	12
Не Лас-Вегас	14
Семь лет	16
Поездка за счастьем	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Побег назначен на первое марта Тюремный роман из осколков жизни...

Алексей Осипов

© Алексей Осипов, 2018

ISBN 978-5-4490-4448-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Субстрат жизни

«Эх, сейчас бы в деревенскую баньку! Да чтоб парная была, да чтоб березовым веничком, да по косточкам! Вот субстрат жизни, вот первооснова! Еще чтоб непременно баньку самому истопить, водички там натаскать, дровишек наколоть...» – и Игорь Валерьевич, представив себя в воображаемом мире, счастливо улыбнулся. Он посмотрел в окно. По шумной улице лился поток автомобилей, а прямо под окном офиса красовался его новенький БМВ. Игорь Валерьевич скучающе отвернулся. На краю стола лежала пачка дорогих сигарет. Он небрежным движением указательного пальца выбил одну сигарету из пачки, закурил, лениво вытянувшись в удобном кожаном кресле.

«Да! – предался он дальше ходу своих грез, а после баньки – рюмашечку простой русской водочки с огурчиком, хотя нет, ковшичек медовухи был бы более кстати. А там заходишь в избу, где тебя ждет, не дождется краснощекая, «сдобная»...

– Игорь Валерьевич, – в кабинет впорхнула длинноногая секретарша, – Вадим Александрович звонил, велел передать, что через двенадцать минут ждет вас у себя с проектом, да копии учредительных документов, он напомнил, не забудьте.

– Иду, Анжелочка, иду!..

Игорь Валерьевич, собрав кое-какие документы в папку, торопливо вышел за дверь. А пока он летел по длинному коридору, думал: «Господи, ну как надоели мне эти совещания, званые ужины, учетные ставки, депозиты, векселя, кредиты и этот жирный боров – Станислав Александрович!..»

Авдей, здоровый детина, сидел на завалинке и тупо смотрел куда-то вдаль, за край села, на раскинувшиеся до самого горизонта белые с пожухлыми пятнами оставшейся соломы зимние поля. Нашарив мозолистой рукой в кармане телогрейки полусмятую пачку папирос, вздыхая, закурил.

«Вот так и проживешь в этом захолустье всю жизнь, света белого не увидишь, никуда не смотаешься дальше райцентра. И все-то некогда: то посевная, то покос, то уборочная, то денег нет опять же... Зимой с трактором возишься, домой приходишь, как черт, в мазуте. Так и помрешь в этой телогрейке», – думал угрюмо Авдюха.

«А в городе-то в кино надысь видел – рестораны, коньячок, то да се, и девки там не то, что наши... Да! Если б хоть туда на денек, к примеру, после ужина в ресторане в комнате полутемно, легкая музыка играет, в чугунке шампанское со льдом. И она... Ноги длинные... Я из ванной. Она в ванную. Я за ней...»

– А ну! Чего расселся?

Авдей испуганно вскочил, увидев перед собой разгневанную жену.

– Седьмой уж час пошел, а ты воду в баню еще не натаскал, – упершись пухлыми руками в широкие бедра, «командовала» Авдюхина «половина».

– А ну марш за водой! Да живет, живет...

Авдей, загнувшись в себе злобу, раздавил каблуком кирзового сапога недокуренную папиросу. Схватив ведро, зашагал к колодцу, что-то бурча себе под нос.

Фагот

То декабрьское тюремное утро начиналось как обычно: тягуче, серо, уныло. Как и изо дня в день, многими, многими, наверное, десятилетиями, по коридору за железной дверью слышался хаотичный топот ног, затем бесцеремонное бряцанье тележки с бачками, наполненных до краев кашей и чаем, и уж напоследок система выстраивалась в колдовское действие: открывание – закрывание дверных форточек. А с улицы через маленькое окно с ржавыми массивными решетками доносился чахоточный кашель сидельцев из других камер, часто заглушаемый резкими наплывами дребезжания и «охами» столовской вытяжки. И всегда опахивало горелой тушеной капустой. Хотя в тюремном меню ее никогда не было. Складывалось такое впечатление, что повар брал эту вонючую капусту, мял, крошил, варил, жарил ее, – но в итоге мистическим образом всегда получалась склизкая перловая каша.

Вставать никому не хотелось. Однако баландер так пронизывающе застучал черпаком по обитой железом двери, призывая подать емкости под чай, что Матвею пришлось резко скинуть с себя казенное одеяло. Нашарив босыми ступнями на ледяном полу тапки, он схватил первую попавшуюся со стола литровую кружку, а потом резко пихнул ее в костлявые пальцы раздатчика пищи.

Через считанные секунды в тусклом свете проема появилась наполненная до краев горячим чаем кружка и нарезанные буханки черствого черного хлеба. Следом одна за другой зазвенели четыре миски с кашей. Дверца захлопнулась...

– Что на завтрак? – потянулся на шконке, сладко зевая, Валерка.

– Бифштекс, – буркнул Матвей, – и коньяк из немытого бачка.

– Понятно, – уселся напротив стола Валерка.

– А почему сегодня снова я дежурю?! – вдруг вскипел Матвей.

– Потому что ты дурак, – свесил с верхней шконки стриженую седую голову Паша.

– А дураков надо учить, – проснулся на своем блажном месте у окна и Крест. Ловко соскочил на пол и в одних трусах пошел умываться, сверкая красивыми темно-синими татуировками «вора в законе» на тощих ключицах.

Наступило неловкое молчание. Только Крест громко кряхтел, обильно брызгая на бетонный пол воду.

Все коренные обитатели камеры «один три» не могли дождаться того праздничного и светлого часа, когда докрасят камеру Креста, и вор в законе уберется в свою «берлогу». Не то чтобы он кого-то притеснял или бил, вовсе нет. Но морально... давил нещадно. По каждому поводу или без повода поучал, наставлял, подчеркивая явное превосходство над сокамерниками и тыкая носом в свой высокий воровской статус. Комментируя и критикуя каждый их шаг, буквально каждое движение, конечно, с точки зрения воровских неписаных законов.

А с другой стороны, – им-то что? Паша – заметно постаревший в тюремных казематах облезлый зек мечтал только об одном, чтобы к нему никто не приставал, и спокойненько додрыхнуть на матрасе свою последнюю «пятилетку» многолетнего срока. Матвей скоро освобождался и явно пытался абстрагироваться от всего того, что хоть мало-мальски связано с тюрьмой. Только каждый день что-то чиркал в своем блокноте, перелистывая странички. Наверное, там, на свободе, хотел начать новую нормальную жизнь. Валерка же, беспокойная натура, был занят исключительно мыслями о побеге. Впрочем, эту идею он вынашивал и лелеял с первой же секунды, как только огласили ему приговор в зале суда.

Кстати, за последние полтора года жильцы невезучей камеры «13» ни разу между собой крупно не поссорились.

Ну вот тюрьма практически без происшествий отзавтракала, прибралась, и, не спеша, покамерно готовилась к прогулке...

– Три тысячи шестисотая, – задумчиво произнес Матвей.

– Чего, шестисотая? – переспросил Валерка.

– Моя три тысячи шестисотая прогулка. Ровно.

– Да уж. А, погоди-ка, вроде дольше сидишь, – чего-то быстро высчитывал в уме Валерка.

– Так отними «карцера», да в прошлом году неделю болел.

– А, ну да, тогда, наверное, так...

Валерка не успел словесно правильно оформить мысль по поводу Матвеевых «прогулок», как в дверь со стороны коридора вставили ключ, открыли дверной замок, вторую решетку, и в камеру втолкнули новенького...

– Здравствуйте, лебятя! – поздоровался с порога новенький. В очочках, небольшого росточка, с пухлыми розовыми щечками, явно дисгармонировавших с окружающей обстановкой.

От такого неожиданного приветствия: давным давно всеми забытого, исключительно какого-то «человеческого», и вдобавок еще с этим беззащитным «л» вместо «р», – все остолбенели. У Пашки из открытого рта выпала на пол сигарета.

После минутного пылливо-всеобъемлющего осматривания паренька первым вышел из ступора Крест:

– Ты, это чего? Кто такой?

– Меня зовут Вадик, – как ни в чем не бывало, точно Вадик вошел не в камеру с отпетыми уголовниками, а в какой-нибудь филателистический клуб, продолжил рассказывать о себе, – мне двадцать четьле года, учусь... учился в конселватории, осужден за убийство. Куда можно матлас положить?

Крест неопределенно кивнул в сторону двух свободных шкафов рядом с полочкой.

– Кого «пришил-то»?! смычком горло дирижеру перепилил?! – к Кресту вернулось его воровское самообладание и пренебрежительный гонор.

– Нет, нет, – заулыбался Вадик, – я не склипач, я на фаготе иглаю.

– На чем?! – удивленно хмыкнул Валерка.

– На фаготе. Ну, это такой язычковый делевянный духовой инструмент. Сначала я хотел иглать на флейте, но у фагота на всем диапазоне такие плекласные обелтоны, что...

Вадик интуитивно почувствовал, что его никто не понимает, и смотрят на него как на инопланетянина, – в общем, фагот – это такая музыкальная дудочка...

– Эй, «фагот»! Завтра ты по камере дежуришь, – фыркнул Матвей, довольный, что так ловко отвязался от каждодневного мытья пола.

– Я, так я, – согласился Вадик, – но надо бы установить общий глафик, как думаете, лебятя?

Крест хотел вlepить по уху Фагота за его «глафик», но дверь в камеру распахнулась, недвусмысленно намекая, что пора выходить на прогулку, а мелькнувший в проеме спецназ в маске, – что сегодня надо выходить очень быстро...

К обеду все тюремные зеки уже знали о том, что в тюрьме «работают пасечники», иными словами – приехал спецназ, так сказать для профилактической воспитательной работы с осужденными, а в камеру «один три» «заехал» некий Фагот.

Со спецназом, как всегда, все было определено и понятно: почти всем пришлось во время прогулки с лихвой поотжиматься, поприсесть в коридоре вдоль своих родных камер, побегать по лестнице то вверх, то вниз до седьмого этажа, не укладываясь в тиканье секундомера. Особо разговорчивые и ранее конфликтовавшие с администрацией нещадно подвергались экзекуции резиновыми дубинками. В общем, утро выдалось буйное: ломались

дубинки, отрывались с корнем подошвы спецназовских ботинок, лопалась на спинах зековская кожа...

А по поводу Фагота мнения разделились. Одни посчитали его за мелкого фраера, удивляясь, почему он еще до сих пор цел и невредим, как-то уж очень удачно пережив все суровые испытания застенков ИВС, СИЗО и кошмары этапирования. Другие были уверены, что Вадик только прикрывается циничным: «здлаस्थ्यтебята» а на самом деле ни кто иной, как киллер, прибывший в тюрьму искусно кого-то «порешить».

Смотрящий за порядком в тюрьме Крест пребывал в глубоком раздумье, пока Вадика выводили в санчасть, все ходил и ходил взад-вперед по камере...

– Старый! Ты же опытный «бродяга». Что такое: «обелтон»?!

– Не знаю, Крест, не знаю, – Паша, охая и ахая, снимал с себя вторую куртку, надетую на прогулку для смягчения ударов, – обычно-то как! Карандаш в ухо, – и конец человечку. И следов никаких, и смертушка мгновенная, а вот этот самый, как его, – «обелтон»...

Матвей, пригладив опухшее красное ухо, глубокомысленно пил остывший чай, а Валерка лежал, боясь от боли в спине пошевелиться. Ему, как всегда, досталось больше всех...

Снежок вам в трусы

Андрея немного мутило. За его сиденьем в последнем ряду небольшого микроавтобуса стояли канистры с бензином, и, судя по сильному запаху, некоторые из них были без крышек, лишь по-простецки прикрыты клетчатой в мазутных пятнах скатертью.

«Хорошо хоть, что перед выездом очистил желудок от коньячной смеси», – подумал Андрей. Автобус резко подскакивал на обледенелых дорожных выступах. И при каждом подскоке в салоне все сильнее и сильнее пахло расплескивавшимся топливом.

Наконец-то и спецназовцев тоже укачала-притомила долгая дорога. Водитель, видя страдания пассажиров, остановился на обочине. Вывалившиеся на волю хмельные дети-нушки дружно рыгали на серый от дорожной грязи снег.

Проблевавшись, обмочив колеса с правой стороны, жадно закурили. Немного повеселели.

– Петрович, долго еще трястись? – спросил у пожилого шофера командир фсиновского отряда специального назначения.

– Часа полтора. Скоро кафешка по дороге будет. Остановлюсь.

– А заправиться «дома» не мог?! Воняет же... этим, как его...

– Бензином, – подсказал рядом стоявший здоровенный боец, ростом метра под два, если не выше. Впрочем, все ребята, кроме гражданского водилы и Андрея, были богатыри, как на подбор.

Петрович только хмыкнул, пробурчал сердито: «талоны не дают... еще обратно ехать на чем-то... и не учите меня... снежок вам в трусы».

Андрей первым заскочил в остывающий на морозце салон. Неприятно пробил озноб. Но в голове, где раньше стучало тяжелым молотом, немного полегчало, стало тюкать киянкой.

Выехал он еще до рассвета из областного центра в маленький городок, к своему новому месту службы, – тянуть ляжку оперуполномоченного в тюрьме с особым режимом. В первый отпуск придется вернуться за женой и дочкой. Будет ему еще одно испытание...

Андрей закрыл глаза, стараясь немного поспать. Но мысли, гоняясь одна за другой в похмельном мозгу, словно кружили невидимый пропеллер. Возникали позывы, и Андрей открывал глаза, цепляясь взглядом за что-нибудь устойчивое, не круглое...

Подумалось, что та вчерашняя последняя стопка была явно лишней, впрочем, и предпоследняя – тоже.

Надо было подумать о чем-нибудь хорошем. Отвлечься от воспоминаний о сауне по поводу его отъезда и назначения. Да и разве это друзья? Так, – собутыльники. Завистники и стукачи через одного... и Саня, тоже хорош, приперся на вечеринку с Горбуновым. А Сашеньке ли не знать, что Андреево место – начальника отдела в управлении отдели родственничку начальника Горбунову, а Андрея «сослали» на повышение в «тмутаракань». Эх, вот тебе и «снежок вам в трусы»!

Представил себе образ младшенькой. Дочурка Даша с белыми смешными кудряшками: «нос-то точно мой, да и подбородок; а глаза, бесспорно, в мать – большие голубые, с длинными ресницами...»

Автобус на повороте резко затормозил, стукнув по инерции головами о передние сиденья всю группу пассажиров в камуфляжах...

– Петрович! Не дрова везешь!

– Да, тут... снежок им в трусы!

– Чего?! – командир привстал, разглядывая в лобовое стекло перекрывающую им дорогу к «заветной» шашлычной черную иномарку.

Из авто вылез бугай в кожанке и спортивных трико, вальяжно подошел к двери Петровича.

– Колымагу свою убери, – бугай бесцеремонно громко рыгнул. Смачно сплюнул на фару. Привстал на цыпочки, пытаясь что-нибудь разглядеть в сильно затемненных окнах спецавтотранспорта.

– Да мне не сдать назад, видишь – скользко, сугробы. Отъезжай немного, тебе проще, – приоткрыл окно Петрович.

– Ты че, не понял?! – взревел бугай, точно заведенный, повторяя одну и ту же фразу только на разный манер, – че не понял?! В натуре, не понял?! Че?!

Петрович быстро закрутил ручку подъемника окна в обратном направлении.

– Ну, снежок вам в трусы! А вы чего смеетесь?!

Спецназ дружно ржал, трясясь натренированными туловами и вытирая огромными кулачищами слезы.

Из иномарки вылезли еще трое. Открыли багажник. Достали биты. Первый бугай, безуспешно подергав дверную ручку микроавтобуса, вдруг резко ударил кулаком по зеркалу...

– Ну-ка, Петрович, выпусти!

В утренней морозной дымке на дорогу поочередно ловко соскочили тринадцать дюжих молодцев. Последним вышел Андрей, на всякий случай спрятав в карман травматический пистолет.

Наказывали «ребятишек» из черной иномарки недолго, но красиво и методично, как говорится: «душевно».

Сначала положили бугая с попутчиками пинками и тумаками мордами в снег. Затем принялись за иномарку, вырвав с корнем все двери, крышки багажника и капота. Трофейными битами, даже не запыхавшись, поразбивали все стекла, фары, подфарники...

– Петрович! Колеса прокалывать?! – позвал командир.

– Да ладно, не надо, ну прям, как в кино, – Петрович впервые улыбнулся в усы, и тут же снова забурчал, – ну все, закругляйтесь. Поехали. Кофейку охота глотнуть. Снежок вам в трусы!

Е – два, е – четыре

– Е – два, е – четыре! Е – два, е – четыре! – выкрикивал третий день в окошко Вадик свой первый ход, безуспешно склоняя кого-нибудь из других камер сыграть с ним в шахматы, что называется, вслепую, потому как в своей «хате» никто не соглашался.

– Ну-ка слезь с решки! так кого там порешил-то? – все допытывался Крест у Фагота.

– Я невинно осужден, – отнекивался Вадик.

Пару раз тапочкой по сопатке он всё же успел схлопотать. Первый раз хлестанул Крест за «справедливый глафик дежулств», и как-то под утро Матвей – чтоб не храпел.

Вадик как-то уж быстро сник. Показалось, что он стал еще меньше росточком и исхудал. Безропотно каждое утро мыл пол, кружки; таскал большой пластмассовый красный таз на помывку в душевую; закрывал телом «глазок» в камеру, когда Крест перегонял с помощью ниток малявы по другим камерам, – в общем, занял свое место в жестоком строго определенном иерархическом мире тюрьмы. Перестал расспрашивать Пашу о воровских законах. Тем более, что кличку «Фагот» ему присвоили в первый же день. А что Крест – вор в законе, и как смотрящий только и делает, что: «несправедливо унижает людей», – Вадик понял в первый же день...

– Где ты здесь «людей» видишь?! – цедил сквозь зубы Крест.

– У каждого человека есть достоинство, плаво на жизнь, плаво на здоловье, плаво на, в конце концов, вежливое обращение, – тихонько огрызался из-под одеяла Вадик.

– У тебя только одно здесь «плаво»! сопеть в две дырочки и помалкивать, пока ласты не склеил!

– Ладно, чего пристали к пацану? – не выдержал Валерка. И в ту же секунду пожалел об этом. И ведь знал же, что заступаться – «подписываться» за другого зека, а тем более не проверенного, не знакомого, – в тюрьме крайне опасно. С легкостью можно разделить участь сокамерника. Здесь, в тюрьме, – каждый сам за себя! Это не закон, это банальное правило выживания. Но то ли жаль стало Валерке этого уж совсем беззащитного Фагота, то ли чувство справедливости в нем более обостренное, чем в других, – в общем, слово не воробей... Вылетело...

– Ну, так что?! – сузил глаза Крест, колюче вперяясь в Валерку.

– Я за справедливость! А что, есть ко мне претензии?!

– Пока нет, пока нет.., – на тон тише закончил опасный разговор Крест.

И тут с улицы донеслось:

– Е – семь, е – пять! Е – семь, е – пять!

– Это еще что такое?! – Крест приоткрыл форточку.

– Дебют! Это дебют! – радостно вскрикнул Фагот. Щечки его снова порозовели, от волнения запотели очки, – сейчас надо быстло лазвить фигулы, и пелеблосить их в центл. Клест! Лазлеши!

– Ну, валяй, – Крест уступил Фаготу место у форточки.

– Д – два, д – четыре! Д – два, д – четыре!

Паша, игравший с Матвеем в домино, на всякий случай, накинул на плечи теплую куртку.

Валерка лежал на шконке. Ловко перекидывал между пальцами четки. И, как бывало только в особенные дни, – чему-то загадочно улыбался. Почувствовав на себе взгляд, приподнял голову. Крест в ответ ему чуть кивнул, задавая немой вопрос.

– С чего ты взял?! Я так, просто...

– Ну, ну...

Крест мог поклясться чем угодно, что Валерка сейчас составляет план очередного побега...

Не Лас-Вегас

– Капитан Лисовец, – кратко представился Андрей начальнику тюрьмы.

– Очень рад за вас. Идите в корпус, соприсутствуйте на прогулке. Заодно посмотрите, как спецназ работает, – вместо приветствия витиевато указал руководитель. Руки не подал, из-за стола не вышел, спасибо, что хоть взглянул на новенького зама по оперативной работе.

– Есть! – Андрей, резко развернувшись, зашагал к выходу.

– И еще... На службу извольте являться в форменной одежде, а не...

– Так точно! – опер, не дослушав наставления, уже закрыл за собой дверь, – ты мне тоже не понравился...

– Что говорите? – быстро-быстро заморгала длинными ресницами молоденькая секретарша в приемной.

– Это я не вам. А вас как зовут?!

– Оля! – отчего-то покраснела она.

– Вам очень идут серьги, – чуть наклонился над столом Андрей.

– Да это так, бижутерия...

– Оля! Спасите бедного капитана!

– А что случилось?!

– Забронируйте мне, пожалуйста, одноместный номер в гостинице с видом на ваш чудесный город.

– Хорошо! – наконец-то заулыбалась Оля, – какие пустяки...

Очевидно, что начальник тюрьмы оперов недолюбливал, проявляя, по слухам, более живой интерес больше к хозяйственной части: к примеру, распиловке леса на хоздворе, сви-нарнику, кроликам, рыболовству и т. д. и т. п.

Поэтому Андрей, попусту прождавший все утро представление коллективу, после обеда сам пошел знакомиться, заглядывая в каждый кабинет. Но попить кофейку приостановился только с женщинами из спецчасти. По-гусарски завалил шоколадными конфетами чайный столик. Рассказал пару анекдотов, однако высказывать свое мнение об учреждении, и уж тем более о руководстве, поостерегся, – больше слушал. И тут же взялся за работу, попросив почитать личные дела всех авторитетных уголовников.

В оперативном отделе застал только одного сотрудника. Эвклид Симонян, или как все его звали – Элик – с виду простоватый мужик. Нос, как и положено армянину, знатный. Однако – въедливый, и до чрезвычайности хитрый.

– Давно здесь? – Андрей рассматривал «трофейную» колоду самодельных зековских игральные карты.

– Три года. Я с «мэнтуры» пэрэвелся. Там же сам знаешь, как тяжэло с очередными званиями, да вот и прикипэл тут. Может, после работы, сходим куда-нибудь, уважаемый?! Отмэтим, как говорится, твой пэрвый день, знакомство. Я сэгодня холостой! Ну как?!

– Да, знаешь ли, – новый зам закусал губы.

– Насчет финансов не бэспокойся! – Эвклид полез в бельевой шкаф. Чего-то долго там нашаривал руками, свалив на пол с вешалки парадный китель, – во! Нашел!

Перед лицом Андрея залистал новеньким кодексом. Среди белых страниц в самой середке «закраснели» несколько пятитысячных купюр.

Симонян приложил палец губам. Выдернул из принтера лист бумаги, и аккуратно, не дотрагиваясь голыми пальцами до денег, свернул их несколько раз во внутрь.

– Грязные что ли?

– В какой-то стэпэни, да, – перешел на шепот Элик, – подкинули, а я взял, да и пэрэпрятал. Чтобы нэповадно было подставлять. Мэнянэдэлю ОСБ-шники пасли! На КПП каждый день карманы с понятыми выворачивали! Дэскачь: «пошутили, хватит. Отдай».

– И зачем им это?

– Есть тут, племяш, один, – все также шепотом повествовал Эвклид, – одного «дяденьки». Навэрное, мэсто ему мое приглянулось.

– И тут – родственные узы?!

– А то...

Во втором часу ночи подвыпившие Андрей с Эвклидом вышли из кафешки.

Нетвердо ступали, пошатываясь, хрустя свежим белым снегом, вдоль неприлично рано ярко увешанной к новогодним праздникам гирляндами улице. Громко спорили, тут же мирились, снова чего-то дискутировали. Сошлись во мнениях о внешней политике, частично – о внутренней, а в вопросах любви, – нет.

– Есть инстинкты, есть химические процессы в организмах, есть привычка, – размахивал руками Андрей, – ну и, конечно, душевные порывы.

– Любовь – это... это, – Эвклид задумался, – это очень хорошо!

– Продолжим?! – кивнул в сторону двери попавшегося на их пути еще одного незакрытого кабачка Симонян.

– Можно...

– Заходи...

– А, знаешь, паршиво здесь.

– Где?

– Здесь! И городишка твой паршивый, и коньяк этот, и начальник, – уставился мутными глазами Андрей, – и коллектива в вашей тюрьме нет.

– Да что вы говорите?! Ну, уж извините! Не Лас-Вегас!

– А ты, Эвклид Магометович, вроде ничего. Дай-ка я тебя обниму!

– О, – вежливо отстранился от объятий собутыльника Элик, красноречиво подмигивая официанту, – не пора ли нам с тобой на боковую?!

Семь лет

Сплавив отяжелевшего Лисовца охраннику гостиницы, Эвклид поехал на такси домой. В квартире было холодно. Причина нашлась сразу, – в виде колыхавшейся на ветру занавески у открытой форточки.

Элик, не раздеваясь, лег на диван. Вспомнился разговор о любви. И нечаянно, как это часто бывает, из глубин памяти всплыла давняя история: маленькая, на первый взгляд неприметная, но сохранившая в душе неизгладимый след...

– Элик! Смотри! Какой-то уж больно подозрительный! – чуть кивнул в сторону рослого парня Дорохов.

В этот момент молодой мужчина перепрыгнул на эскалатор, движущийся вверх, и побежал, перепрыгивая через три ступеньки на выход. Сотрудники милиции, не мешкая, вторя трюку убегающего, кинулись в погоню...

– Гдэ, гдэ он?! – оглядывал уличную толпу Эвклид. Дорохов влез, кряхтя, на бетонную тумбу. В шумном людском потоке он быстро вычислил, чуть ли не на голову выше остальных неадекватного...

– Вон он!!!

Парень тоже неся, с трудом уворачиваясь от прохожих. Вдруг нагнал девушку в красном пальто. Резко одернул ее за плечо. Женская сумочка, потеряв лямку, отлетела в сторону...

Странный нападавший стоял как вкопанный, глядя в ее глаза... и только на лице его читалась величайшая досада, что, видимо, обознался...

В то же мгновение был повален и скручен милиционерами...

– Все молчишь? А зря, – Дорохов ловко подбросил паспорт напарнику, – Эвклид Магометович, проверь-ка по базе...

Через полчаса вернулся в кабинет Элик. Зачем-то приволок ноутбук. Что-то настроил. Повернул экраном к Дорохову...

Майор быстро прочитал текст. Шумно вздохнул. Молчком нагнулся над столом. Снял с задержанного наручники...

– Ты уж извини. Служба такая...

Ближе к полуночи подвыпившие сотрудники ушли домой. А монитор портативного компьютера продолжал светиться в темноте...

С экрана печально смотрела симпатичная девушка в красном пальто...

Внизу фотографии было напечатано, что она погибла семь лет назад в авиакатастрофе...

Поездка за счастьем

Ясным майским днем из только что прибывшего пассажирского поезда вышел молодой парень. Жмурясь от яркого солнца, огляделся вокруг. Большой город, вольно раскинувшийся под синим, безоблачным небом, шумел, грохотал, сигналил на все лады. Казалось, только шагни с места, как сразу затянет, унесет с собой крикливый людской круговорот. На привокзальной площади у коммерческих киосков сновал разный люд, но и в нем густо выделялись пестро одетые цыганки вперемешку с бомжами разных оттенков. Вовсю торговали семечками и пирожками, дымились, далеко распространяя аппетитный запах, шашлычницы. Мимо проезжали автобусы и такси, брызгаясь раскисшей грязью. Чирикали, как сумасшедшие, воробьи. Голуби и те радостно ворковали в такт весеннему веселью, шумно перелетая с места на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.